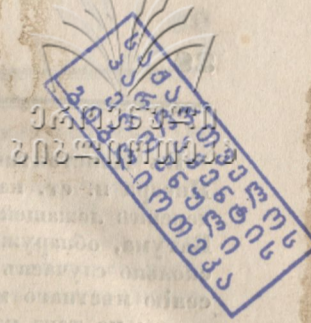

КАВКАЗЪ.

ВЫХОДИТЬ

два раза въ неделю, по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается въ Тифлисъ: въ редакціи газеты въ домъ Елизавы, на Саперной улицѣ, въ Почтовой Квартірѣ, въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта и у книгопродавцевъ Крашенинникова, Писакова и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ въ Газетной Экспедиціи Московск. Почтамта и въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Одессѣ: въ книж. магаз. Тотти.

№ 10.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ пересылкою 3 р. 50 к.
Полугодовое 5 . 50 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 10 коп. сер. со всехъ объявленій безъ всякаго исключенія.

СРЕДА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ФЕВРАЛЯ 6-го, 1852 ГОДА.

ВЫСОЧАЙШИЯ ГРАМОТЫ.

I.

Командиру 5-й бригады Грузинскихъ Линійныхъ баталіоновъ Нашему Генералъ-Майору Плауцъ-Бекъ-Кокуму.

Въ награду за отличную-усердную и ревностную службу вашу, засвидѣствованную Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Анны первой степени*, коего знаки при семь препровождая, пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

II.

Начальнику Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Грузинскаго Округа Нашему Генералъ-Майору Годлевскому 2-му.

Во изъявленіе Монаршаго Нашего къ вамъ благоволенія за ревностную и усердную службу вашу, и за доведеніе Артиллерійскихъ Гарнизоновъ ввѣреннаго вамъ Округа до отличнаго во всехъ отношеніяхъ состоянія, по засвидѣствованію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Анны первой степени*, зна-

чи коего при семь препровождая, пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

III.

Нашему Статсъ-Секретарю, Управляющему дѣлами Комитета Министровъ и Кавказскаго Комитета, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Буткову.

Отличная и ревностная служба ваша постоянно обращала на васъ Наше вниманіе. Нытъ, видя съ удовольствіемъ быстрое и успешное теченіе дѣлъ, заведыванію вашему внутреннѣхъ, и относя сіе къ особенной вашей заботливости и прилежному вашему усердію, Мы, во изъявленіе Нашего благоволенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Анны первой степени*, знаки коего при семь препровождая, пребываемъ къ вамъ благосклонны.

С.-Петербургъ, Января 4-го дня 1852 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы въ присутствіи Своёмъ въ С.-Петербургѣ:

Января 15-го дня 1852 года. Производителю: *За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ*. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Прича Виртелбергскаго полка: изъ юнкеровъ въ Корнетъ *Астафьевъ*, въ Кирасирскій Ея Императорскаго Высочества Цесаревны, и изъ унтеръ-офицеровъ въ Прапорщики *Пальмицевъ*, въ Драгунскій Его Высочества Принца Эммануила Гессенскаго полка — оба со старшинствомъ: первый съ 8-го Января 1851 года, а послѣдній съ 12-го Августа 1850 года.

ТИФЛИСЪ.

Правленіе Женскаго Благотворительнаго Общества Св. Нины, получивъ чрезъ Г-жу Вице-Предсѣдательницу Общества двѣсти руб. сер., принесенные въ даръ Тифлискому Женскому Учебному Заведенію Св. Нины неизвѣстнымъ лицомъ, считаетъ приятнѣйшимъ долгомъ выразить ему душевную свою благодарность за столь благотворительное пожертвованіе.

ГРУЗИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ наше время, новое предпріятіе въ сферѣ матеріальной потребности страны — уже не новость. Сооруженіе новаго моста, открытіе новаго пути, связующаго одинъ торговый пунктъ съ другимъ, уже не составляютъ эпохи. Они сдѣлались обыкновенными, повседневными. Общее вниманіе останавливаютъ нынѣ другія событія, другіе памятники, — мы видимъ другія учрежденія, которыя даютъ толчокъ цѣлому населенію, двигаютъ его разомъ къ новому быту, къ новому порядку вещей. Къ такимъ учрежденіямъ, безъ сомнѣнія, принадлежить, по своему предназначенію, грузинскій театръ.

Объ этомъ замѣчательномъ явленіи не много знаетъ до-нынѣ читающая публика, — знаетъ только, что въ Тифлисъ, въ прошломъ 1851 году, учредилась грузинская группа; но этимъ немногимъ, она вѣроятно довольно заинтересована. Предупреждая общее любопытство, скажемъ, какъ подворилось искусство на туземной сценѣ и какъ идетъ оно.

Чтобъ судить какъ важно значеніе туземнаго театра здѣсь, въ Грузіи, должно вспомнить, что спещическое искусство никогда не было знакомо ей, да и не было доступно во все ея праваніе, ея понятія. Просвѣщеніе, которое постигло эту страну еще издревле, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, не принесло сюда однако же всехъ своихъ животворныхъ элементовъ. Вліяніе его отразилось на письменности и на немногихъ установленіяхъ гражданскихъ, а не на дѣйствительной жизни, на понятіяхъ и учрежденіяхъ народныхъ. Таковое отчужденіе происходило, впрочемъ, не отъ того чтобъ страна не сочувствовала внушнейшамъ образованно-

сти, но отъ того, что была слишкомъ зависима отъ деспотическаго вліянія ближайшаго Востока. Ее давили, своими тяжелыми обычаями, Востокъ — это ревнивый Востокъ, который налагалъ на жизнь оковы безчувствія, пряталъ ее подъ замками, не позволялъ высказываться ни въ чемъ, и не терпѣлъ ничего, чтобы могло даже напомнить объ немъ. Отъ того и мысль не могла пробудиться ни для единаго подвига, желанія осылать, потребности удалиться или во-все не существовать. Такъ было сего-дня какъ вчера, и завтра какъ сего-дня. Но вотъ пришло время отрѣшиться отъ Востока... Съ водвореніемъ Русскихъ въ край, желанный переломъ начался: затворы начали колебаться и падать передъ могуществомъ цивилизаціи, жизнь стала выглядывать изъ зарѣшетокъ, хотя еще не совсѣмъ смѣло, озираясь, думая, ловко-ли это, прилично-ли, не будетъ-ли противно измѣнять своимъ обычаямъ, своей скромности, вѣками укоренившейся. И эта борьба съ стародавнею привычкою и привязанностію продолжалась не мало. Нервительности и сомнѣнію положили конецъ — сначала первое благородное собраніе, учрежденное въ Тифлисъ въ 1850, а потомъ первый русскій театр, устроенный въ 1851 году. Эти два учрежденія были вполнѣ благопріятныя, въ пору придуманныя, они выдвинули туземное общество окончательно наружу, и оно пошло радостно на встрѣчу новой жизни, на зовъ новыхъ потребностей. И то, что было предпринимается въ Тифлисъ, для улучшенія общественной жизни, повторялось и въ прочихъ городахъ, почти въ тѣхъ-же видахъ, почти съ тѣми-же результатами...

Но все-ли слою туземнаго населенія могли воспользоваться одинаково и вдругъ указаніями обществяныхъ двигателей? Не были-ли указанія эти,

для многихъ изъ нихъ, недоступными, чуждыми, чтобы понять всю пользу, все преимущество новаго, и послѣдовать за общимъ движеніемъ, стать подъ общій уровень съ современными требованіями? Такъ, дѣйствительно, улучшенія коснулись только некоторыхъ извѣстныхъ сословій, и то поставленныхъ въ ближайшее сопркосновеніе съ русскимъ обществомъ, къ чему способствовали и другіе другіе пути, для образованія ихъ указанныя; но большинство немогло быть причастно ни къ тѣмъ улучшеніямъ, ни къ тѣмъ усовершенствованіямъ. Между имъ и міромъ новыхъ понятій лежало еще значительное пространство, значительная преграда, отдававшая сближенію — свои права, свои предрасудки, свои причуды, сохранившіеся въ упрямствѣ и недоускаванніе благихъ переменъ. Но этому требовался вѣрный и могущественный посредникъ, который-бы сталъ дружественно между тѣмъ и другимъ и, убедительно, своимъ же языкомъ объяснять этому большинству невыгоду прежняго быта, превосходство новаго, сближая, еродняя съ образованнымъ міромъ въ понятіяхъ, мысляхъ, общечини. И вотъ посредникъ этотъ найденъ, и въ чьемъ-же въ томъ самомъ способѣ, который съ-некою вѣковою былъ несовѣстенъ съ правами народа, и который по-этому, могъ служить скорѣе противовѣствующимъ, нежели способствующимъ средствомъ къ достиженію цѣли.

Князь Намѣстникъ сознавъ, что учрежденіе истаго туземнаго театра будетъ имѣть здѣсь вѣковое значеніе, что театръ этотъ, при существованіи русскаго, поможетъ въ достиженіи великой нравственной пользы, вообще театромъ предлагаемой, и что если русскія представленія необходимы для образованія вкуса извѣстной части общества, то ту-

Въ Константинопольскомъ журналѣ 9-го Января и. ст. напечатано: «Въ Орта-чай-кей, деревнѣ лежащей въ 4-хъ часахъ пути отъ Батума, обнаружилось въ одномъ домѣ нѣсколько случаевъ тяжкой болѣзни. По донесенію мѣстнаго медика эта была гнилая горячка; но такъ какъ это донесеніе не вполне положительно, то главный медицинскій советъ предписалъ произвести точное изслѣдованіе, а въ видѣ предосторожности объявить сомнительными суда-приходящія изъ Батума; вмѣстѣ съ тѣмъ предписано порты: Требизондскій, Синопскій, Самсунскій и Имболійскій, которые посетилъ пароходъ, шедшій изъ Батума, до этого распоряженія, подвергнуть десяти-дневной обсервации».

Главнымъ начальствомъ Новороссійскаго края получено отъ Императорско-Россійской миссіи въ Константинополь, официальное извѣщеніе объ объявленіи показанной здѣсь мѣстности Орта-чай, близъ Батума, подозрительною, но съ присовокупленіемъ, что, по заключенію депутата этой миссіи при Константинопольскомъ карантинномъ советѣ по всемъ вѣроятностямъ, нельзя полагать, чтобы открывшаяся въ Орта-чай болѣзнь имѣла свойство чумной заразы. Съ тѣмъ вмѣстѣ получено извѣстіе о прекращеніи холеры въ Багдадѣ и ослабленіи ея вообще въ Турецкихъ владѣніяхъ, смѣжныхъ съ Персіею.

(О. В.)

Вѣсти изъ Сигнаха.

Пробѣгая листки газеты Кавказъ, сообщаящую постоянно рядъ различныхъ новостей, относящихся до здѣшняго края, нельзя не сочувствовать событіямъ, которыми полагается начало развитію общественной жизни даже въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Закавказья. Туземцы быстро свыкаются съ нововведеніями, клонящимися къ улучшенію

земныя едвали не необходимо, чтобы извлечь остальную изъ міра предразсудковъ, къ которому эта остальная и самая большая часть еще прикована, и упорствуя принять участие въ развитіи общественности. Въ этихъ видахъ, предложено было учредить грузинскій театр въ Тифлисѣ, какъ центръ первыхъ начинаній для пользы страны, и вотъ какъ исполнилось и какъ идетъ теперь это великое дѣло.

Для опыта, дано было въ Тифлисѣ въ 1850 году, благородными любителями театра нѣсколько грузинскихъ представлений; исполнялись всего двѣ комическія пьесы, написанныя Княземъ Георгіемъ Эрнстовымъ. Опытъ этотъ былъ чрезвычайно удаченъ, принявъ грузинской публикой съ живымъ восторгомъ и заставилъ въ первый разъ увѣриться, къ всеобщему удивленію, въ возможности драматическаго искусства въ Грузіи. Но съ первою идеею объ основаніи публичной труппы, должно было подумать, изъ кого составить ее и что дать ей играть — двѣ главныя вещи, два существенныхъ вопроса, которые, по своей неудобности, могли остановить благое предпріятіе при самомъ началѣ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ было отыскать въ этой массѣ непрізнанныхъ туземцевъ, кружокъ людей, готовыхъ выступить на небывалое и неслыханное поприще, столько публичное, а изъ того можетъ быть и непріятное; какъ было объяснить имъ искусство и все его тайны, и какъ было создать изъ ничего цѣлый репертуаръ, при недостаткѣ въ настоящее время класса туземныхъ писателей, не только для сценическаго дѣла, но даже для простыхъ пьесъ, для которыхъ здѣсь всегда были свои менестрели даже при совершенномъ упадкѣ словесности? Но, видно, боги искусства сами благословили начинаніе, въ угоду имъ предпріятное, и оно соверши-

лось вдругъ и съ невѣроятнымъ, изумительнымъ успѣхомъ.

Сформированіе труппы и введеніе ея на сцену Тифлискаго Театра, а также и возстановленіе репертуара было поручено тому, кто создалъ первое драматическое произведеніе на грузинскомъ языкѣ, и кто далъ этимъ возможность исполнить и первое представленіе на томъ же языкѣ. Князь Георгій Эрнстовъ, принявшій за столь серьезное дѣло, тотчасъ понялъ, что напрасно будетъ искать оныхъ актеровъ въ сферѣ людей ознакомленныхъ болѣе съ общественною жизнью, онъ ихъ въ ней не отыщетъ. По необходимости, и одной лишь необходимости, онъ долженъ былъ обратиться къ сферѣ, со всемъ противоположной, туда, гдѣ люди еще первобытны. Такимъ образомъ, онъ взялъ нужное число мужчинъ и женщинъ изъ деревень, сталъ трудиться надъ ними прилежно, и по убѣжденію, что они уже знакомы сколько либо съ главными условіями сцены, рѣшился вывести ихъ и на самую сцену. Это былъ шагъ, само собою смѣлый и предпріимчивый, но не менѣе же того шагъ, сдѣланный впервые въ область искусства, и который тотчасъ-же оправдался изряднымъ успѣхомъ. Еще два, три представленія, и уже не узнать было этихъ недавнихъ автоматовъ, они сдѣлались вдругъ непохожими на себя. Все удивлялись, все были приятно поражены и этой смелостію въ нихъ, и этой развязностію. Можно было только разсчитывать, что бытъ можетъ свѣжая, неспорченная природа ихъ поможетъ сдѣлать изъ нихъ что-либо и когда-либо, но первенцы—актеры вдругъ не только оправдали, но нѣкоторые изъ нихъ даже превзошли ожиданія, благодаря одной природной свѣтливости, такъ счастливо предупредившей все предположенія. Судь критиковъ замолкала передъ новыми поборниками сцены, да

жителей порока Астрабадъ. Счастливые люди могутъ говорить, у которыхъ всегда наготовѣ и комплименты и умныя рѣчи. Они адресуются прямо къ отцу невесты, который проситъ у нихъ на размѣщеніе два или три дня и потомъ говоритъ посланцамъ: «шшшш! му-барекъ-эсть!» По полученіи этого благопріятнаго отвѣта мать жениха повѣщаетъ своихъ пріятельницъ и родственницъ, чтобы онѣ готовились къ извѣстному дню. Тѣ, надѣвъ самыя лучшія наряды и уборы, собираются вмѣстѣ. Тутъ стараются, чтобы по болѣе завербовать на праздникъ женщинъ, умѣющихъ играть на музыкальныхъ инструментахъ, находящихся на лицѣ и тѣхъ, которыя знакомы газетѣ и стиху и вмѣстѣ съ тѣмъ которыхъ природа надѣлила звучнымъ и пріятнымъ, или по крайней мѣрѣ, звонкимъ голосомъ. Съ пѣснями и музыкой отирается это шумное сборище въ домъ невесты, мать которой, заранее предвѣдомляемая, приготовляетъ для дорогихъ гостей великолѣпный завтракъ. Такъ какъ предполагается, что кухней завѣдуетъ невеста, то негодуютъ все искусство, чтобы удивить собраніе многочисленностью плововъ, члововъ и деликатностью хуршей и кебабовъ. Раскинутой на полу длинная во всю комнату скатерть бываетъ установлена посудами, въ которыхъ подаютъ все кушанья разомъ. Бесѣда Персіевъ гораздо свободнѣе и вольнѣе, чѣмъ мѣдлится ихъ почтенныхъ и степенныхъ повелителей, которые, запуская руки въ горы жирнаго плова, не вымолвятъ ни слова; комплименты, которыми женщины обмѣниваются между собой съ болѣею щедростью и изяществомъ, чѣмъ мужчины, не мѣшаютъ говорить тѣмъ тонкихъ шутокъ и намековъ, относящихся къ тѣмъ невозвратнымъ временамъ, когда въ ихъ честь отправлялись подобныя праздники; не рѣдко злая насмѣшка бросаетъ въ глаза своей соседкѣ, не столь бойкой на слова, злую насмѣшку надъ ея семейными ссорами съ мужемъ, и горе той, которая не умѣетъ отвѣтить на острое слово—

Гр. М.—зе.

Свадебныя обряды въ Персіи.

(Продолженіе.)

У Дагганцевъ гораздо меньше проволочекъ въ сватахъ невесты, чѣмъ у церемонныхъ

и на что было его, когда и щедрая похвала, и безотчетныя рукоплесканія не вредили имъ, а напротивъ ободряли, поощряли ихъ на болѣе подвиги. Этотъ прѣдѣлъ, и одинъ этотъ прѣдѣлъ можетъ служить разительнымъ подтвержденіемъ, до чего не достигнетъ туземный умъ, къ какимъ воспріятіямъ не способна туземная натура, при болѣе или менѣе благопріятной указатель!

Но какими образомъ Князь Эрнстовъ помѣгъ отсутствію готнаго репертуара, неимѣнію пьесъ, безъ которыхъ и не могла устроиться труппа? Онъ и тутъ повелъ свое дѣло счастливо. Для перваго случая, онъ самъ написалъ нѣкоторое число пьесъ, а потомъ, упрямляя и руководствуя труппой, и за недостаткомъ постороннихъ соотрудниковъ, сталъ учить и подбигать своихъ же актеровъ опытъ на новое, невѣдомое имъ поле дѣятельности—на поприще драматической литературы. И что же? Слыхали-ли вы когда либо про Ангонова, про Джана-ридзе, Дванадзе, Мойнариани, встрѣчали-ли имена эти гдѣ-ли о въ сферѣ письменности, а тѣмъ болѣе драматической? Нѣтъ, вѣроятно не встрѣчали, исключая только, такъ недавно на тифлисскихъ театральныя афишахъ. Эти-то оригиналы имена суть наши—Ленскіе, Каратыяны, Григорьевы, наши актеры писатели, которые неостались безответными на вызовъ Эрнстова, и трудами почти которыхъ держится въ послѣднее время грузинская сцена. Это не другое-ли, убѣдительнѣйшее вновь доказательство сказаннаго мною выше? Поживемъ, то-ли еще увидимъ. Между тѣмъ спасибо—искреннее спасибо Князю Эрнстову и за него и за его молодыхъ содвинчиковъ!

(Окончаніе въ слѣд. №)

ее закидают словами, и бедняжка спасается молчалиемъ. По окончаніи завтрака, когда все собраніе умоетъ руки и выкуритъ обычный кальянъ, музыканты принимаются за дѣло; одна настраиваетъ кемончу, другія нагрѣваютъ надъ угольями свои тамбурины и думбеки, чтобы натянутая на нихъ кожа получила упругость; когда инструменты настроены и хоръ, къ которому присоединяются пѣвцы готовы, выступаютъ на сцену тѣ изъ гостей, которые прославились ловкостью въ пляскѣ и въ особенности кто умѣетъ кстати извлекать рѣзкіе звуки изъ *зиджа*. Наплясавшись, напѣвшись и наигравшись до сыта, гости садятся по мѣстамъ. Тогда отъ имени хозяйки подають, на деревянныхъ подносахъ, ширины и начинаютъ разносить присутствующимъ шербеги, откусывая который поздравляютъ хозяйку съ тѣмъ, что ей удалось наконецъ увидать счастливый день, когда она, окончивъ воспитаніе дочери, выдаетъ ее за такого красавца, молодца и умника. Потомъ выводятъ невесту на средину комнаты и она, сначала обыкновенно оказываетъ сопротивленіе, наконецъ тихой поступью выходитъ на извѣстное мѣсто, гдѣ надѣваютъ ей на голову шаль, на руку золотой перстень, котораго вставкой непременно долженъ быть хоть невысокой цѣны драгоценный камень, а *кафши* (бандажи съ высокими каблуками) она не надѣнетъ иначе, какъ работы лучшаго мастера. Все эти вещи, разумѣется, присылаются ей отъ жениха. Тутъ оглушительный хоръ опять принимается за работу, а между тѣмъ всѣмъ присутствующимъ ханумамъ раздають если не золотыя, то серебряныя *шом*, и для предотвращенія несчастія отъ помолвленной четы, каждая изъ женщинъ, со стороны жениха, должна пройтись; на возрастъ не обращаютъ вниманія: молодыя и старухи хоть бы въ осемьдесятъ лѣтъ, по очереди, обязаны выполнить обычный танецъ. Вотъ дамганское ширини-хури или шербетъ-хуруни.

Черезъ нѣсколько дней отецъ невесты приглашаетъ жениха къ себѣ въ гости со всей его родней и друзьями. Это угощеніе дѣлается съ той цѣлю, чтобы жениху, такъ сказать, показать дорогу въ домъ къ новой роднѣ, послѣ этого онъ начинаетъ ходить въ гости къ нареченному тестю, по вечерамъ, безъ всякаго стыда и застенчивости, который долженъ выказывать молодой Персїанецъ передъ старшими. Когда въ первый разъ онъ является на вечеринку, то при прощаньи съ хозяйками кладетъ на поднось, на которомъ были конфеты, плоды и проч., *аджам* по крайней-мѣрѣ одинъ туманъ; за то въ прочіе вечера онъ освобождается отъ этой дани. Бѣдная невеста не можетъ участвовать въ этихъ бесѣдахъ, и только изъ за занавѣса дверей видитъ своего суженаго. Впрочемъ женихъ старается при входѣ улучшить случай увидатьсѣ съ ней наединѣ, и если удастся помолвленнымъ достигнуть такого счастья, то на своихъ невинныхъ свиданіяхъ они выказываютъ другъ другу свою страсть словами, дышущими негой и нетерпѣніемъ соединиться поскорѣе. Но нельзя же уничтожить препонъ и препятствій, полагаемыхъ обычаемъ и необходимостью сдѣлать нужныя приготовленія къ свадьбѣ. Мало ли заботъ невестѣ? Она прикидывается, льститъ отцу и матери, старается у нихъ вымолить и выпросить, чтобы они дали ей въ приданое лучшіе сундуки и ковры, какіе есть въ домъ, ей нужно богатое зеркало, постель, надобно самой посидѣть за работой, чтобы сшить свое платье и заготовить красивыя покрывала на ниши и вышитыя шелками съ крупными блестками занавѣсы на нихъ. А кроме того, если у жениха много друзей и родныхъ, сколько подарковъ надобно запасти для нихъ?

Обрядъ *акдъ-бендонъ* совершается здѣсь просто: послѣ завтрака, въ присутствіи го-

стей и мѣллы, вѣкли обѣихъ сторонъ прочтаютъ сигѣ, вслѣдъ за питьемъ шербета и поздравленіями, и потомъ честная компанія расходится по домамъ.

Городскій звѣздочетъ, обыкновенно мѣлла, назначаетъ часъ для окончательной церемоніи. Наканунѣ свадьбы женщины съ музыкой и криками водятъ въ баню невесту и въ ту ночь красятъ какъ ея, такъ и свои густыя косы хѣной? А въ день свадьбы пріятель жениха по поутру отправляются тоже въ баню съ нимъ. При выходѣ жениха и невесты изъ бани, банщица и мужъ ея, являющіеся на поклонъ и привѣтствіе съ плодами, окуриваніемъ и поблаутками, получаютъ отъ общества своихъ гостей хорошее вознагражденіе, которое они тѣмъ болѣе заслуживаютъ, что до свадьбы ни дѣвочки, ни молодые люди не платятъ за баню и ихъ услуги ни копѣйки.

Къ вечеру невесту одѣваютъ въ самыя лучшія ея платья и украшаютъ со всемошной изысканностью сергами, перстнями, тузлуфи играютъ наивно въ ея локонахъ, кокетничая съ блестящимъ на двѣхъ плечахъ чѣлъ ея *тита*; *джиккѣ* вѣнчаетъ ея голову, а на богатомъ *шиддѣ* навязаны молитвы, которые предостерегутъ ее навсегда отъ дурнаго глаза и отъ навѣтовъ злыхъ людей; короткая шелковая рубашка, съ длиннымъ разрѣзомъ на груди, обшита дорогимъ позументомъ, на которомъ нашиты серебряныя или золотыя большія блестки, а на нихъ прикрѣплены мелкіе бирюзовые камѣшки, и застѣгнута на блестящей шевъ булавкой изъ дорогихъ камней. Невесту ставятъ на *курси* или *тахтъ*, такъ чтобы ее могли видѣть всѣ присутствующія при этомъ женщины, а по правую и по лѣвую ея руку находятся избранія, любимыя двѣ подружки, которыя, разумѣется, одного съ ней возраста и уже мѣтятъ въ невесты, стараются показать и свою красоту и умѣнье наряжаться: ихъ называютъ *согдуш* и *солдуш*. Все женщины города сходятся на эту церемонію, но тѣ изъ нихъ, которыя не приглашены на свадьбу, не снимаютъ своихъ чадръ и сидятъ съ закрытымъ лицомъ: зрительницы это дѣлаютъ или потому, что ихъ семейства не въ ладу съ тѣмъ домомъ, въ которой они приходятъ, или что хозяева ниже ихъ по своему положенію, а главный предлогъ неприглашенны. Налюбывшись досыта невестой, и, подмѣтивъ все, что достойно хвалы и насмѣшекъ, гости расходятся. Это сходбище называется *рупуш*, т. е. закрываніе лица, даже передъ женщинами.

Между тѣмъ таинственная ночь спускаетъ свой покровъ на молчаливыя улицы и тѣнистые сады Дамгана. Вся родня и пріятель жениха собираются въ его домъ и потомъ отправляются за невестой, которую ведутъ съ фанусами, машеля, ружейными выстрѣлами, всеобщими криками *шобоз!* останавливаются на извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ приготовлены небольшіе фейерверки, состоящіе обыкновенно изъ ракетъ и фонтановъ. Женихъ, близъ воротъ сего дома, обязанъ встрѣтить свою суженую, въ которую онъ бросаетъ слегка лимонъ или апельсинъ и останавливается, также какъ и она, со всей свитой; потомъ женихъ старается къ ней подвести ближе, при чемъ онъ оказываетъ сопротивленіе, наконецъ приблизившись на нѣсколько шаговъ, онъ становится передъ ней на колѣни и когда встаетъ, подходитъ къ дому, у воротъ котораго заготовлено новое *атѣшъ-бози* со всеми ухищреніями и затѣями; когда сжгутъ его до тла, ведутъ жениха и невесту прямо въ спальню, здѣсь *ейнѣ* обсыпаютъ ихъ конфетками и шалями, потомъ эти дамы со стороны невесты вручаютъ ее жениху, сложивъ ихъ правыя руки и оставляютъ наединѣ. Разумѣется женихъ обязанъ умолять свою возлюбленную супругу открыть лице,

а она кокетничать и сопротивляться *сму* *ад* *тѣхъ* поръ, пока онъ не заплатитъ ей *обичаю* *зири-зибой* и *рунѣмо*, послѣ чего читаетъ на маъ и такъ заключается цѣль обрядовъ и церемоній, которые совершаются со всей неумолимой точностью до самаго конца, пока, новобрачные, избавившись отъ постороннихъ, останутся наединѣ.

Люди и музыканты возвращаются при самомъ входѣ новобрачныхъ въ *хиджале-хонѣ*, оставивъ свои инструменты, на которыхъ играютъ сами гости до тѣхъ поръ, пока *ейнѣ* возвѣстятъ собранію, что пора дать покой молодымъ.

На другой день жениху присылають подарки его друзья, которыхъ отдариваетъ невеста. Когда же на третій день послѣ свадьбы сводятъ въ баню, банщица приходитъ убрать постель, при чемъ приноситъ отъ себя ширины и получаетъ за это деньги и подарокъ, также какъ и мужъ ея.

(Оконч. въ слѣд. №)

ЗАМѢТКИ НА СТАТЬЮ Г. ИВАНОВА

«О древней исторіи Арменіи».

(Продолженіе.)

Если слово *Гайкъ* было выдуманно и употреблено этими иностранцами, то они почли бы необходимымъ и представить причины, побудившія ихъ къ такому нововведенію. Но ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ ихъ сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, какъ цѣлый рядъ писателей, уже изъ Арменіи, употребляютъ также какъ и тѣ, слова *Сур* и *Суршуми* (*Гайкъ* и *Гайстантъ*), потому что народъ иначе не называлъ себя какъ *Сур* (*Гай*), а страну свою *Суршуми* (*Гайстантъ*). Лѣтописцы же Арменіи ни гдѣ и намекомъ не упоминають о подозрѣваемомъ г. Ивановымъ, всенародномъ отреченіи Арменіи отъ прежняго наименованія и принятіи ввезанно другаго названія.

Впрочемъ г. Ивановъ, руководимый духомъ противорѣчія, что ясно показываетъ въ немъ недостаточность изученія предмета, и самъ допускаетъ древность и общеупотребительность названія *Гайковъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, недовольствуясь объясненіемъ Моисея Хоренаци, и, желая высказать свои филологическія познанія, спитается найти болѣе основательную причину такого названія, какъ итій господинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, старался найти и нашелъ истинное значеніе словъ *Агуанъ* (*աղան*) и *Гайванъ* (*գայան*) (7).

Призвавъ на помощь филологію и всевозможныя предположенія, г. Ивановъ достигаетъ результата, что имя *Гайкъ* (*գայի*) должно имѣть какое нибудь значеніе, какъ имѣютъ то имена другіхъ государей изъ его дома: наиримѣръ *инер* (мечъ), *Кур* (камень), (8) и проч. *Гайкъ*, по его мнѣнію, значитъ *астрономъ*, и онъ производитъ имя

(7) Въ 1847 году въ №№ 19 и 20 газеты *Кавказъ*.

(8) *Кур* (*kar*) значитъ сила, могущество, а не камень, какъ переводитъ г. Ивановъ. Камень по армянски *квар* (*qar*), и ни одинъ изъ армянскихъ царей, не только изъ дома *Гайка*, но даже изъ всѣхъ четырехъ династій не величался *каменемъ* (*кваръ*)

это отъ глагола *հայեալ* (hai), что будто бы *въ буквальномъ переводѣ* значить смотреть, взирать и наблюдать. Этотъ родоначальникъ Армянъ, будучи астрономомъ, помогая, по мнѣнію г. Иванова, Безу въ сооруженіи *Вавилонской обсерваторіи*; разсорившись изъ за какого-то астрономическаго воззрѣнія, съ *Беломъ*, онъ оставилъ *Вавилонскую Обсерваторію* и съ своими приверженцами, въ числѣ 500 чел., отправился дѣлать свои наблюденія къ Арарату, и на зло Халдеемъ, послѣдователи его называли себя *հայեր* (hai) т. е. наблюдателями, звездочетами, и предводителя своего *հայկ* (hai) т. е. астрономомъ.

Ничего несообразнаго и смѣшнаго такого филологическаго вывода, ибо во первыхъ глаголь *հայեալ*, собственно означающій смотреть, глядѣть, никогда въ буквальномъ переводѣ не значить *наблюдать*, какъ думаетъ г. Ивановъ, на то есть коренное и общепотребительное у древнихъ Армянъ слово *դիտել* (ditel), откуда и *դիտանոց* или *դիտարան* обсерваторія. Во вторыхъ, повелительное отъ глагола *հայեալ* не *հայ* (hai) какъ пишетъ г. Ивановъ и откуда производятъ названіе *հայ* (Гай т. е. Армянинъ), а *հայաց* (hayatz). Въ третьихъ, башня или столпъ, который строился въ Вавилонѣ, былъ назначенъ не для астрономическихъ наблюдений Халдеевъ, какъ вопреки неопровержимо-истиннымъ связаніямъ Священнаго Писанія, говоритъ г. Ивановъ, а для всѣмъ известной цѣли. Въ четвертыхъ, если бы Гайкъ дѣйствительно былъ такой замѣчательный наблюдатель и великій астрономъ, какъ полагаетъ г. Ивановъ, то Маръ-Абасъ нашелъ бы какія нибудь преданія о глубокихъ его астрономическихъ познаніяхъ въ книгахъ Халдеевъ, такъ сильно любившихъ астрологію или астрономію, и неууставля бы показывать царю Вагаршаку такую ученость родоначальника его народа, а Моисей Хоренаци не сталъ бы съ первыхъ же страницъ бранить своихъ предковъ за ихъ невѣжество.

Что же касается до мнѣнія г. Иванова, что никто изъ древнихъ народовъ неговоритъ о дѣйствительномъ существованіи Гайка; то опять считаемъ долгомъ указать ему, что Грузинскія лѣтописи, повѣствуя о происхожденіи Грузинъ, упоминаютъ о родоначальникѣ Армянъ, котораго и называетъ Гаосомъ (*გაოს, Maos*) (9).

Не мало сбиваетъ г. Иванова и названіе Гайкъ, придаваемое Армянами созвѣздію Орионъ. Тутъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь выказывается бѣдность его познаній и недостаточность изученія предмета. Напрасно думаетъ онъ, что Армяне Орионъ называютъ Гайкомъ единственно по рассказамъ астронома Анація Ширакаціи, который жилъ въ VII вѣкѣ. Если г. Ивановъ въ самомъ дѣлѣ такъ критически изучаетъ исторію и литературу Арменіи, то удивляемся какъ онъ не удостоивалъ вниманія Священнаго Писанія армянскій переводъ, древность (10) котораго признана не только Армянами, но и всеми европейскими

(9) *ქართველთაგანაგებობა*, изданіе г. Броссе, С. Петербургъ, 1849 г. стр. 16.

(10) Священное Писаніе переведено на Армянскій языкъ въ V вѣкѣ, что вѣроятно известно и г. Иванову.

учеными. Въ мѣстахъ (Иовъ гл. XXXVIII ст. X. 31; Исаія, гл. XIII, ст. X. 10) гдѣ въ греческомъ переводѣ стоитъ *Орионъ*, въ армянскомъ читаемъ *Гайкъ* (11); причина этому простая. При переводѣ Св. Писанія, Армяне замѣтивъ, что въ текстѣ 70 толковниковъ вмѣсто созвѣздія, называемаго у Халдеевъ *Кимъ* или *Кимиль* и изображаемаго въ видѣ вооруженнаго лукомъ стрѣлка, (въ которомъ они вѣроятно, разумѣли предка своего Нимврода), греческими переводчиками поставленъ *Орионъ*, въ свою очередь поставили соответственное Нимвроду и Ориону лице, и назвали созвѣздіе именемъ Гайка (12), ибо въ исторіи Армянъ родоначальнику ихъ придаютъ названіе стрѣлка и великана, какъ и Нимвроду въ Св. Писаніи (13).

Послѣ этого мы не понимаемъ, что заставляетъ г. Иванова предполагать, что Армяне Гайкомъ называютъ непременно только одну звезду Сиріусъ, которая, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, принадлежитъ не къ созвѣздію Ориона, а Большаго Пса (14).

Неоспоримо, что исторія Арменіи нуждается въ критикѣ, но не въ критикѣ г. Иванова, который, рассказывая о предложеніи Семирамидою Араю своей руки и царства, говоритъ: «добродѣтельный царь равнодушно отвергнулъ предложеніе Семирамиды, потому, что онъ былъ счастливъ въ обладаніи сердцемъ супруги своей Наварты, о которой Хоренаци совершенно ничего не упоминаетъ; следовательно, это открытіе позднѣйшихъ историковъ, усердно обяснявшихъ темныя мѣста въ подобныхъ разсказахъ и дополнявшихъ по своему хотѣнію недостатки. Они довольно логически заключили, что Арай непременно согласился бы на столь лестныя просьбы ассирійской царицы, если бы не имѣлъ у себя подручи. Но какъ Моисей Хоренаци упустилъ это изъ виду, то они сочли нужнымъ надбавить красавца—царя небывалою Навартою.»

Напрасно г. Ивановъ взводитъ это на позднѣйшихъ армянскихъ историковъ. Ни

(11) Св. Писаніе на армянскомъ языкѣ, изданіе О. Зорабана, Венеція 1803.

(12) Катрджанъ, Всеобщая Исторія на армянскомъ языкѣ. Вѣна 1849. Часть 1. стр. 94.

(13) Кн. Бытія, гл. X. ст. X. 3—10.

(14) Зеленый, Лекція популярной астрономіи, С. Петербургъ 1844. стр. 49.—Балджанъ, начальныя основанія астрономіи на армянскомъ языкѣ. Вѣна 1843. стр. 46.

одинъ изъ нихъ не выдумалъ имени Наварты. Оно встрѣчается у самаго Хоренаци, который въ кн. I. гл. 20 говоритъ, что «Семирамида, въ воспоминаніе прежней своей страсти къ прекрасному Араю, назвала 12-ти «лѣтняго сына его, рожденнаго отъ любимой жены его Наварты, Араемъ.» Можно ли послѣ этого сказать съ такою увѣренностію, что имя Наварты не упоминается въ исторіи Хоренаци, а выдуманно позднѣйшими писателями?

(Оконч. будетъ.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

9-го Февраля, въ Субботу, въ здѣшнемъ театрѣ данъ будетъ маскарадный балъ съ танцами.

Продается КАРЕТА, четырехъ-мѣстная, Петербургской работы. О цѣнѣ можно спросить на Саперной улицѣ, въ домѣ Князя Авалова.

Рядовой Тифлисской Пивалидной команды Юзевъ Голубинскій, продаетъ собственный свой ДОМЪ, состоящій за Московскою заставою и имѣющій въ себѣ помещеніе въ двухъ этажахъ, шесть комнатъ; о цѣнѣ же спросить у самаго хозяина.

ПРИБАЛИ: 2-го Февраля: изъ Горіи, Коллежскій Ассесоръ *Морицъ*, изъ Джемаль-Оглу, Штабъ-Капитанъ *Ждановъ*, изъ Редуть-Кале, 54 флотскаго Экипажа, Мичманъ *Коцебу*. 4-го: изъ С. Петербурга, Тайный Советникъ Князь *Дундукъ-Корсаковъ*, изъ Ставрополя, Штабъ-Ротмистръ Князь *Дундукъ-Корсаковъ*, изъ Царскихъ-Колодець Коллежскій Ассесоръ *Толстой*, 3-го: изъ селенія Садахлы, Полковникъ Князь *Меликовъ*, изъ С. Петербурга, Надворный Советникъ *Юрковичъ*, изъ селенія Садахлы, Штабъ-Капитанъ Князь *Меликовъ*, и Губернскій Секретарь *Бадридзе*, изъ Телавы, Коллежскій Секретарь *Фабихъ*. 3-го: изъ Мангиса, Генераль-Маіоръ Князь *Мухранскій*, изъ Дарьяль Губернскій Секретарь *Барановскій*.

ВЫБѢЛИ: 2-го Февраля: въ Закаталы, Генераль-Маіоръ Князь *Орбеліанъ*, и Полковникъ *Катеръ*, въ Шушу, Коллежскій Секретарь Князь *Арутискій*. 4-го: въ Редуть-Каль французскій путешественникъ *Флери*. 3-го: по Тифлисскому уѣзду Полковникъ *Лавровъ*, въ Редуть-Каль, Капитанъ *Югель*. 6-го: въ Горію, Поручикъ *Славковъ*, Подпоручики: *Кирсановъ* и *Евсеевъ*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ. 1852 ГОДА.

Часы	Термометръ P°.		Сырость воздуха	Барометръ при 13 1/2° P. Русск. полуин.	Направленіе вѣтра.	Состояніе Неба	Наменьшая Темпер. Рео.	Мѣсяца и числа.
	Сухой.	Смоч.						
7 утра.	+ 4,3	+ 3,2	0,81	573,09	СЗ. оч. сл.	Об. разс.		1-го Феврал.
12 полд.	+ 9,0	+ 5,5	0,51	572,53	СЗ. сильн.	Об. мѣст.		
4 попол.	+ 8,0	+ 4,6	0,51	572,47	СЗ. оч. сл.	— — —	+ 3,8	
9 веч.	+ 4,0	+ 2,4	0,71	573,33	СЗ. сильн.	Об. на гориз.		
7 утра.	- 0,3	- 0,6	0,94	574,45	Тихо.	Густ. тум. иней.		2-го Феврал.
12 полд.	+ 4,0	+ 2,7	0,76	574,11	ЮВ. оч. сл.	Об. разс.		
4 попол.	+ 3,2	+ 3,5	0,71	572,70	— — —	Об. мѣст.	- 2,0	
9 веч.	+ 0,3	- 0,3	0,88	572,48	Тихо.	Об. на гор.		
7 утра.	- 0,9	- 1,2	0,94	571,20	СЗ. оч. сл.	Об. разс. иней.		3-го Феврал.
12 полд.	+ 5,7	+ 2,9	0,55	570,29	СЗ. оч. сл.	Облачно.		
4 попол.	+ 7,5	+ 4,6	0,57	569,12	СЗ. сл.	Об. разс.	- 2,2	
9 веч.	+ 5,0	+ 3,6	0,76	569,51	СЗ. слаб.	Об. мѣст.		
7 утра.	+ 4,3	+ 2,8	0,74	570,37	З. ум.	Обл. мѣст.		4-го Феврал.
12 полд.	+ 8,5	+ 5,2	0,53	570,15	СЗ. оч. сл.	— — —		
4 попол.	+ 6,8	+ 3,7	0,52	570,28	СЗ. сл.	— — —	+ 2,7	
9 веч.	+ 3,5	+ 1,9	0,70	571,75	СЗ. оч. сл.	Об. разс.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.